

Мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Турцией с одной стороны и Россией с другой.

Джон Уилер-Беннет

БРЕСТСКИЙ МИР

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Джон Уилер-Беннет

Брестский мир.

Победы и поражения

советской дипломатии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613375

*Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии / Пер.
с англ. С.К. Меркулова.: Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4288-7*

Аннотация

Книга британского историка Джона Уилер-Беннета посвящена одной из самых драматических коллизий Первой мировой войны – заключению мирного договора между Советской Россией и Германией.

Автор воспроизводит напряженнейшую атмосферу и драматический накал борьбы, которая велась вокруг заключения мирного договора на международном форуме в Брест-Литовске. Уилер-Беннет представляет реалистичный анализ ситуации, а также отдает должное политической дальновидности В.И.Ленина, «оставившего не у дел» те политические круги Германии и стран Антанты, которые хотели «растачить по кускам» ослабленную войной Россию и фактически лишить ее независимости и самостоятельности.

Содержание

Предисловие	4
Введение	9
Глава 1	24
1	24
2	44
Глава 2	54
1	54
2	67
3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джон Уилер-Беннет

Брестский мир.

Победы и поражения

советской дипломатии

Предисловие

Поскольку эта книга¹ переиздавалась посредством фотолитографии, у меня не было возможности внести изменения и дополнения в первоначальный текст.

Поэтому я рад воспользоваться представившейся возможностью и подчеркнуть то значение, которое сыграл подписанный в Брест-Литовске мирный договор в свое время, и то политическое влияние, которое он имел как в годы Второй мировой войны, так и позднее.

За последние 200 лет отношения между Россией и Германией знали периоды как самого тесного сближения, так и самой непримиримой враждебности. Это было характерно еще для правления Фридриха Великого, но наиболее яр-

¹ Книга впервые была издана в 1938 г., а затем переиздавалась в 1939, 1956, 1963 и 1966 гг. (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

ко проявилось в 60-х годах XIX века, когда Пруссия превратилась во влиятельную и постоянно набирающую силу политическую величину в Европе. Тогда сформировались два непримиримых друг другу подхода к отношениям с Россией. Сторонники одного из них считали Россию естественным союзником Пруссии в предстоящей борьбе с Францией и Австрией, а их оппоненты стремились к созданию Великой Германии, в состав которой должна была войти и Австрия; традиционная враждебность последней в отношении России и закладывалась в основу реализации такого подхода. В высших политических и военных кругах были сторонники как того, так и другого подхода; в какой-то момент преобладали одни, в какой-то – другие. В годы Первой мировой войны возобладали сторонники Великой Германии, и отражением их политики стало подписание грабительского, хищнического Брест-Литовского мирного договора, цель которого заключалась в том, чтобы ликвидировать Россию как самостоятельную политическую силу и убрать ее с политической сцены Европы.

Гитлер унаследовал оба этих подхода и применял их в зависимости от политической ситуации. Германо-советский пакт 1939 г. был отражением первого подхода, а последующая политика, предшествующая вторжению в Россию в июне 1941 г., – отражением второго².

² С этим утверждением автора нельзя согласиться. Гитлер однозначно делал ставку на уничтожение СССР и порабощение советского народа, а договор

Цели, которые ставил в 1918 г. немецкий Генеральный штаб, и те, которые четверть века спустя преследовал Гитлер, были в конечном итоге идентичными. Как и Гинденбургу, Гитлеру нужны были провинции на Балтийском побережье, включая Прибалтику, для обеспечения операций на левом фланге в ходе предстоящей войны. Как и Гофман, Гитлер зарился на богатую черноземными плодородными почвами Украину. Как и Людендорф, Гитлер стремился к расчленению России, хотел превратить ее в раздробленную беспомощную страну, отбросить за Урал и таким образом стереть с политической карты Европы. Последнее сходство подтверждено документально. 9 июня 1918 г. в меморандуме на имя имперского канцлера Людендорф изложил свои взгляды по этому вопросу; с ними полностью совпадали намерения Гитлера, зафиксированные в стенограмме заседания, проведенного в рейхсканцелярии 17 марта 1941 г. – незадолго до начала вторжения в СССР³.

Возможно, политической мудрости и дальновидности с тех пор прибавилось, но ни в 1918, ни в 1941 г. они не были в чести.

Конечно, проводить параллель между Советской Россией времен Брестского мира и Советским Союзом времен Второй мировой войны вряд ли возможно. В 1918 г. Россия по-

1939 г. был для него средством лучше подготовиться к нападению.

³ Эти документы были использованы в качестве вещественных доказательств на заседаниях Нюрнбергского международного военного трибунала. (Примеч. авт.)

терпела самое жестокое военное поражение в своей истории, а Советская власть, возникшая в результате Октябрьской революции, боролась тогда за выживание. Ей пришлось подписать мир в Брест-Литовске на условиях, навязанных победителем, но она сумела устоять, выжить, спасти завоевания революции и внести свой вклад в свержение имперского режима в Германии. В результате Второй мировой войны Советский Союз, несмотря на казавшиеся катастрофическими неудачи первых месяцев войны, вернулся в Европу в качестве самой мощной и могущественной военной державы, можно сказать, единственной военной державы в Европе, и быстро стал превращаться во все возрастающую угрозу всеобщему миру⁴.

Политические уроки Брестского мира актуальны и поныне. Параллель между политикой Германии во время Первой и Второй мировых войн очевидна. Захватнические устремления ее правящих кругов потерпели крах. И наоборот, полностью сбылось предвидение Ленина, настойчиво убеждавшего своих соратников: уступая сейчас, идя на этот вынужденный «Тильзитский мир», подписывая мирный договор в

⁴ Автор, к сожалению, повторяет затасканный штамп о «советской угрозе», хотя СССР «вернулся в Европу» (включая освобождение европейской части своей собственной территории), чтобы сокрушить фашизм. В 1966 г., когда автор писал предисловие к переизданию, мир уже 21 год жил без войны (как раз почти именно столько времени прошло между двумя мировыми войнами), и это произошло именно потому, что в значительной степени благодаря усилиям СССР была создана система международного права, позволившая упрочить международную безопасность.

Брест-Литовске, советское правительство в конечном итоге не только вернет все потерянное, но и получит гораздо больше. Что на самом деле и произошло.

Ажоя Уилер-Беннет

Введение

Двадцать лет назад, 3 марта 1918 г, в Брест-Литовске был подписан мирный договор между странами Четверного союза⁵ и Россией. Это был первый мирный договор, заключенный воюющими сторонами в ходе Первой мировой войны. Когда этот договор был подписан, лишь немногие поняли его действительный масштаб и значение; а затем события стали развиваться стремительно, наслаиваясь друг на друга, подобно снежному кому, и о Брестском мире просто забыли.

Однако значение подписанного в Брест-Литовске мирного договора трудно преуменьшить. Брестский мир явился переломным, поворотным пунктом исторического развития; именно от него тянулась причинно-следственная цепь событий, напрямую связанных с вопросами войны и мира и от которых зависело, в каком направлении мир будет развиваться далее. Подписание Брестского мира знаменовало собой не только полную победу немецкого оружия на Востоке и крупнейшее и самое унижительное военное и политическое поражение России в ее истории, но по своему значению и последствиям превосходило любые мирные договоры, за исключением Версальского договора, заключенные после Венского

⁵ В него входили Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция; он также назывался Союзом центральных держав, а два его основных участника – Германия и Австро-Венгрия – «серединными империями».

конгресса⁶.

Именно ход переговоров в Брест-Литовске подтолкнул президента США В. Вильсона выступить со своей знаменитой программой («14 пунктов») с целью не допустить заключения Россией сепаратного мира с Германией. Откровенно грабительский, хищнический характер навязанного России договора ясно показал, что германское Верховное командование полностью контролирует процесс принятия политических решений в Германии и что прийти к какому-то разумному компромиссу с Германией, пока ею управляют такого рода деятели, совершенно невозможно. Осознание этого факта привело к небывалому прежде сближению позиций США и других западных стран, воевавших против Германии, и именно благодаря этому сближению родилась та общая «воля к победе», которая и предопределила окончательное поражение Германии.

Подписание мирного договора в Брест-Литовске позволило большевикам устоять. Заключение мира дало Ленину ту самую «передышку», крайнюю важность которой он многократно подчеркивал, и эта передышка спасла русскую рево-

⁶ Оценка Брестского мира как «полного торжества немецкого оружия на Востоке» и «самого тяжелого и унижительного поражения России за всю ее историю» противоречит исторической правде. Немногим более чем через полгода данный договор был признан ничтожным Советской Россией, а также и самой Германией, а 28 июня 1919 г. он был окончательно «похоронен» Версальским мирным договором, который, как и капитуляция, подписанная Германией в полутеплушке (хотя это и был вагон маршала Фоша) в годовщину Октябрьской революции, и явился именно для Германии «величайшим унижением в ее истории».

люцию, позволила ей удержать завоевания и подавить контрреволюционные попытки внутренних противников. В то же время подписание мирного договора ознаменовало начало активного проникновения коммунистических идей в Германию, что внесло свой, вполне «материальный», вклад в крах Германской империи девять месяцев спустя. Начало мирных переговоров в Брест-Литовске ознаменовало появление на международной арене нового важнейшего фактора – большевистской пропаганды. Это была пропаганда той партии, которая сформировала советское правительство, и в то же время это правительство, фактически эту пропаганду поддерживая, формально имело возможность заявлять, что за деятельность партии оно ответственности не несет. «Партия, – говорил Ленин, – мирный договор не подписывала, а советское правительство ответственности за деятельность партии не несет». Именно в Бресте была впервые испробована эта «параллельная дипломатия»; она же лежала в основе создания в 1919 г. Третьего интернационала и его последующей деятельности.

Таковы были непосредственные результаты Брестского мирного договора. Однако этот договор имел и более отдаленные последствия; он продолжал оказывать влияние как на политическую обстановку в Германии и России, так и на общественное мировоззрение в этих странах. В Германии это влияние выразилось в формировании и окончательном закреплении и утверждении в виде государственной полити-

ки планов нацистов на установление своего господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. В СССР, о чем, правда, можно говорить лишь предположительно, оно проявилось в известной степени в позиции некоторых старых членов большевистской партии, которая в конечном итоге привела их к гибели.

Хотя об окутанных завесой таинственности и недоговоренности московских процессах по обвинению в государственной измене, состоявшихся в 1936 и 1937 гг., трудно сказать что-то определенное, как и получить какой-то ясный ответ из изучения материалов, которые были доступны и опубликованы, можно предположить, что в образе мыслей и действиях обвиняемых, особенно Радека, Сокольников и Пятакова, явно прослеживалась тенденция, которую можно охарактеризовать как тактику «упрощенного ленинизма» и психологию времен Брест-Литовска. Старые большевики, считая, что Сталин предал заветы Ленина и изменил идеалам Октябрьской революции, а также что СССР не в состоянии воевать на два фронта одновременно против Германии и Японии, вероятно, решили прибегнуть к применявшейся перед революцией стратегии подрывных действий и саботажа, для того чтобы свергнуть сталинский режим, а также к ленинской политике пораженчества и готовности пойти на национальное унижение ради умиротворения, хотя бы временного, этих двух империалистических держав. То, в чем их обвиняли на этих процессах и в чем они признали себя

виновными, представляло собой те же позиции разрушения и расчленения страны, на которых стоял Ленин, ведя борьбу против либерального правительства князя Львова и социалистического режима Керенского, а политика пораженчества применялась им в ходе переговоров в Брест-Литовске.

Этой политике Ленин следовал вновь и вновь. «Невозможно добиться цели – осуществления победоносной революции, – писал он в статье «Против течения», – не желая поражения своего правительства и не делая все для этого поражения»; он также призывает американских рабочих никогда не забывать о том, что «тот не социалист, кто не готов пожертвовать своим отечеством ради победы социалистической революции». Причем этих взглядов он придерживался не только в теории, но и активно осуществлял их на практике.

Именно такую политику он проводил во время переговоров в Брест-Литовске, несмотря на яростное сопротивление внутри своей партии со стороны «левых коммунистов», особенно Радека и Бухарина.

Разве для старых большевиков не было естественным придерживаться этих традиционных, изначально основополагающих принципов? И Радек, и Бухарин признали, что ленинская точка зрения по Брестскому миру была правильной, а их – ошибочной. Разве нельзя предположить, что, став на позиции ленинского подхода, они вступили в переговоры с Германией и Японией, предполагая, что если отдать первой

Украину, а второй – Приморье, то это позволит получить «передышку», предотвратит внешнюю агрессию и даст возможность сконцентрировать усилия на свержении сталинского режима, предавшего, по их мнению, идеалы Октябрьской революции? Более того, разве сам Ленин не использовал возможности, предоставленные кайзеровской Германией, чтобы вернуться в Россию? Разве сам он не стремился использовать противника во имя победы революции?

Трудно сказать, как старые большевики собирались на практике реализовать эти довольно странные новые «союзы» и затем избавиться от них; вероятно, рассчитывали на успехи мировой революции или победу в какого-то рода революционной войне. Разумность такого подхода, конечно, вызывает большие сомнения. Однако если исходить из того, что осужденные действительно были виновны в том, в чем их обвинили, то высказанная выше точка зрения представляется единственным объяснением их действий. Однако вопрос этот настолько сложен, что высказывалось и предположение, что Сталин специально поднял вопрос о пораженческой политике времен Брест-Литовска, чтобы возложить ответственность за нее на своих политических противников и приписать им авторство той политической линии, которой он сам же и придерживался.

Все эти соображения носят, скорее всего, лишь теоретический характер, особенно по сравнению с тем непосредственным практическим значением и воздействием, кото-

рое Брест-Литовский договор оказывал на ситуацию в Германии, особенно после прихода к власти национал-социалистов. Веймарская республика при поддержке большей части руководства Генерального штаба, чьи взгляды весьма рельефно выражал генерал фон Сект, стремилась к сближению с Советским Союзом и весьма в этом преуспела, что выразилось в подписании Рапалльского договора и Военного соглашения от 3 апреля 1922 г., а также советско-германского Договора о дружбе и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. Однако в руководстве Генштаба находились люди, хотя в то время и составлявшие меньшинство, которые разделяли взгляды Гофмана о том, что большевики – это корень всех зол, и мечтали осуществить те захватнические планы в Восточной Европе, которые, к их досаде, не удалось реализовать после подписания Брестского мира.

К этому следует добавить, что лично Гитлер относился к этому договору с совершенно откровенной симпатией, а национал-социалисты предприняли все возможные усилия, чтобы представить этот документ как идеальный мирный договор и привнести в умы немцев убеждение, что именно к заключению таких договоров Германия и должна стремиться. Ведь никакой другой идеологии, кроме той, на которой основывалось заключение Брестского мира со стороны Германии, немцам предложено не было, а их большинство как раз разделяло в то время именно эту идеологию. Поколение немцев, жившее в нацистской Германии, в большинстве сво-

ем считало образ мыслей, лежавший в основе подписания Брест-Литовского мирного договора, совершенно верным, а те принципы и соображения, на которых было основано его подписание, – вполне приемлемой основой и для текущей политики. Красноречивее всех эту точку зрения выразил сам фюрер, сравнивая Брестский мирный договор с Версальским. «<Я положил два этих договора рядом, сравнил их по пунктам и убедился, насколько бесконечно гуманным был первый и сколь жестоким и бесчеловечным второй, – писал он в «Майн Кампф». – В те дни мне приходилось часто выступать по этому вопросу перед двухтысячной аудиторией, и в начале выступления я чувствовал на себе враждебный взгляд 3600 глаз. А 3 часа спустя все присутствующие буквально вздымались в единодушном порыве справедливого гнева и безграничной ярости». Неудивительно, что ниже Гитлер пишет: «Мы (национал-социалисты) должны отказаться от постоянных попыток проникновения на юг и запад Европы и сконцентрировать все внимание на восточных землях... когда мы говорим о землях на востоке, мы должны в первую очередь иметь в виду Россию и пограничные с ней страны». И далее: «Мы не должны забывать, что международное еврейство, которое по-прежнему контролирует Россию, не считает Германию союзником; оно уготовило ей ту же участь, что и России. Над Германией нависла постоянная угроза того, что с ней произойдет то же, что и с Россией; следующей главной мишенью большевизма является Герма-

ния».

В данном подходе, как мы видим, объединились доктрина создания Великой Германии, которая возобладала перед Первой мировой войной, всепоглощающая ненависть к евреям и идеологическое противостояние большевизму. Одним из способов его практического воплощения представлялось возрождение и поддержание того образа мыслей, которого придерживались в Германии во времена Брест-Литовска. Характерно, что в 1917 г. политологи призывали к «все немецкоому единству» так же, как и авторы, писавшие на эту тему в нацистской Германии, правда делая это более откровенно, совершенно открыто говоря, что за этим стоит. Так, профессор Хеттнер в одной из своих книг, посвященных этой теме, писал: «Дело не в том, что между нами и Англией существуют какие-то отдельные проблемы. Главное в том, что Англия хочет играть господствующую роль в мире, а мы стремимся к тому же на основе совместных усилий немцев всего мира. В этом и заключается главная причина нынешней войны». Годы спустя Гитлер сформулировал это одной фразой: «Германия будет либо мировой державой, либо вообще никакой». При этом он признавал, что Англия никогда добровольно не согласится, чтобы Германия заняла ведущее место на мировой арене, однако подчеркивал, что это сейчас не главное. Главное же заключается в том, чтобы объединить усилия всех немцев, как в Германии, так и за ее пределами, и завоевывать территориальное пространство в

Европе.

Основываясь на сформулированном Людендорфом тезисе о том, что «престиж Германии требует, чтобы мы твердой рукой обеспечили надежную защиту не только немцам, являющимся гражданами Германии, но по *всему* миру, где бы они ни находились», Гитлер считал, что на первом этапе следует создать «Страну немцев», простирающуюся с севера на юг, от Ютланда до Бреннера, и с запада на восток, от Страсбура до Риги.

Впоследствии Германия была должна охватить территорию, достаточную для того, чтобы вместить 200 млн немцев. Как отмечается в «Майн Кампф», считающейся священной книгой в Третьем рейхе, для достижения этого необходимо захватить те территории на юге и юго-востоке Европы, в направлении которых осуществлялась германская колонизация еще в Средние века, — «мы должны начать там, где мы остановились 600 лет назад», а затем и Украину, а также земли юга России.

Если смотреть именно под этим углом зрения, то отношение нацистской Германии к Австрии и Чехословакии, странам Прибалтики и Польше, Венгрии и Румынии приобретает особое звучание. Осуществление немецкой экспансии вело к перекраиванию всей политической карты Центральной и Восточной Европы в соответствии с планами создания «Великой Германии», которые пытались осуществить в годы Первой мировой войны подобным образом настроен-

ная часть немецких политических кругов, а также Верховное военное командование; контуры этой «конструкции» были окончательно оформлены и обозначены в договорах, подписанных в Брест-Литовске и Бухаресте, – фактически речь шла об установлении политической гегемонии Германии над странами, которые когда-либо имели к ней хоть какое-то отношение, а также присвоении, как бы «между делом», российской территории. Способы реализации этих планов разнились в зависимости от конкретной страны. Австрии сначала угрожали, ее буквально терроризировали, а затем оккупировали и присоединили к германскому рейху. В отношении Чехословакии использовали угрозы и пропагандистское воздействие с тем, чтобы вызвать внутри страны «стихийные выступления» в пользу воссоединения с Германией. В отношении Польши и Прибалтийских государств, как и во времена Брестского мира, подчеркивалась готовность идти на компромиссы и дать гарантии обеспечения безопасности этих стран. При этом можно напомнить, что «Майн Кампф» поляков относит к «низшим народам», а польских детей – к тому же «низшему уровню», что и детей евреев, негров и выходцев из азиатских стран. В отношении Венгрии, Югославии и Румынии используется тактика лести и умасливания с целью попытаться вывести первую из-под влияния Италии, а две последние – из-под влияния Франции.

В то время как «бросок на юго-восток» («дранг нах зюйд-остен») уже находился в стадии осуществления, в политиче-

скую мысль Германии всячески стараются внедрить убеждение в тех преимуществах и выгодах, которые несет захват и оккупация России. План «колонизации» России был предложен доктором Шахтом на конференции в Риме в 1932 г, еще до прихода Гитлера к власти; этот же вопрос был вновь поднят в знаменитом меморандуме Гинденбурга, представленном на Всемирной экономической конференции, состоявшейся в июне 1933 г. Гитлер также коснулся этого вопроса в своих «выступлениях против коммунизма» на съезде национал-социалистов в Нюрнберге в 1936 г. А выступая перед представителями Трудового фронта 12 сентября того же года, он заявил: «Если бы неисчерпаемые запасы полезных ископаемых Урала, обширные леса Сибири и бескрайние кукурузные поля Украины располагались на территории Германии, то страна, под руководством национал-социалистической партии, утопала бы в изобилии. Мы обеспечили бы производство всего необходимого, чтобы каждый немец имел все, что ему нужно»⁷.

Трудно привести более яркий пример «(психологии Брест-Литовска», чем этот откровенный призыв к грабежу

⁷ В английских газетах от 14–15 сентября первое предложение этой части речи Гитлера в переводе с немецкого звучало по-другому: «Если бы мы могли взять под контроль» («Таймс»); «Если бы мы имели в своем распоряжении» («Дейли телеграф»); «Если бы мы обладали» («Манчестер гардиан»). В официальном изложении этой речи, опубликованном в немецких газетах 14 сентября, данное предложение было видоизменено и изложено в той редакции, в какой оно приводится в этой книге. (Примеч. авт.)

и захвату добычи. Это выступление вполне могло бы быть опубликовано и распространено в качестве пропагандистского материала отделом печати и пропаганды немецкого Генерального штаба в первые недели 1918 г.

С завершением перевооружения Германии закончился первый этап на ее пути к «мировому господству». Второй этап, наслаивающийся на первый, начался в Германии с приходом к власти нацистов. С каждым шагом психология Брест-Литовска все прочнее укоренялась во взглядах и образе мыслей немцев, делая все более неизбежной попытку совершить наконец то, что, по мнению их вождей, является их историческим предназначением. Европе уже один раз пришлось столкнуться с последствиями подобного психоза, и можно было бы предвидеть, что если Германии вновь удастся создать ситуацию, которая существовала в течение непродолжительного периода после заключения Брестского мира, то результаты могут быть еще более угрожающими. Промышленный потенциал России, управляемый немецким организационным гением, – такая перспектива никак не могла бы оставить Западную Европу равнодушной. Но в 1918 г, погнавшись за миражом, созданным собственным тщеславием, Германия оказалась в такой трясине, что выбраться оттуда казалось невозможным. Европа хорошо помнит, о чем Гитлер, вероятно, забыл, какая катастрофа для Германии последовала за тем краткосрочным и мимолетным успехом, который был достигнут в Брест-Литовске.

В данной работе я хотел, во-первых, изложить историю мирных переговоров в Брест-Литовске, а также развития отношений между Советской Россией и Германией до их разрыва в ноябре 1918 г.; во-вторых, попытаться показать, каковы были мотивы сторон, лежавшие в основе тех дипломатических шагов, которые предпринимались в то время; и, в-третьих, попытаться продемонстрировать, какую важную роль в мировой истории сыграл этот забытый мирный договор.

В работе мной были использованы официальные документы стран – участниц этих переговоров; я также использовал газетные публикации того времени из прессы Германии, Австро-Венгрии, России и некоторых стран Антанты, а также дневники, мемуары и биографические материалы главных участников тех волнующих событий. Помимо использования письменных материалов, я постарался почерпнуть максимум информации из личных встреч с еще здравствовавшими участниками переговоров в Брест-Литовске. За исключением Иоффе со стороны Советской России и доктора Розенберга со стороны Четверного союза (ввиду их кончины мне не удалось с ними встретиться), я беседовал практически со всеми основными участниками этих переговоров; я также общался с членами российского Временного правительства; членами украинской Рады и представителями режима Скоропадского; с представителями Верховного командования Германии и Австрии тех времен, а также с те-

ми, кто хотя и играл в то время второстепенную роль, но позднее достиг ответственных и влиятельных постов в своих странах.

Мне часто приходилось бывать в Германии, Австрии, Советском Союзе, а также других странах, и ряд встреч оставили сильные впечатления и запомнились надолго. Это и беседы с бароном фон Кюльманом, и памятная беседа с Карлом Радеком во время прогулки по подмосковному лесу; и оставившее незабываемое впечатление общение с Троцким, с которым мы встретились в один из дней в полуденную пору в Мехико; я бесконечно благодарен всем, кто согласился и нашел время встретиться со мной и поделиться своими воспоминаниями и соображениями. Я искренне благодарен за содействие ряду людей в СССР и Германии; я не называю их имена, поскольку, несмотря на провозглашаемую в этих странах свободу мысли и убеждений, эти люди могли бы столкнуться с проблемами. Однако я всех их помню и ничуть не менее искренне благодарен им за содействие, как и тем, чьи имена я назвал.

Глава 1

На дальних подступах

1

В Ставке Верховного командования в Могилеве русский офицер писал письмо жене. Комната была практически ничем не обставлена; единственным украшением были икона в бриллиантовом окладе и несколько фотографий детей. Пишущий это письмо только что вернулся из короткой поездки в Петроград, и в нежных выражениях он сообщает домашним, что благополучно добрался до места и приступил к выполнению своих обязанностей. Письмо содержит и глубоко личные детали. Он пишет, что немного простыл, но сейчас чувствует себя хорошо. Страшно расстроен тем, что у двоих из детей корь; от нее страдают и здесь, в Могилеве, – особенно сильно она распространилась среди юнкеров из 1-го и 2-го кадетских корпусов. Он особенно беспокоится за своего маленького сына, не отличающегося крепким здоровьем, и очень сожалеет, что его жене приходится сталкиваться со столькими хлопотами и неудобствами. «Я представляю, бедняжка, как тебе тяжело», – пишет он и добавляет, что было бы лучше, если бы все дети болели одновременно. «Очень

скачаю без вас; так не хватает нашего ежевечернего часового пасьянса, который мы раскладывали все вместе. Если выпадет свободная минутка, снова сыграю партию в домино». В заключение он пишет: «Спокойной ночи. Пусть Господь хранит твой сон и пошлет тебе добрых сновидений».

Подписав письмо «Твой муженек», он берет дневник и делает очередные записи, которые ежедневно в него заносит; он подробно описывает детали своей поездки в Петроград и своей повседневной работы в Ставке. Он также делает запись: «Все свободное время посвящаю чтению французской книги о завоевании Юлием Цезарем Галлии».

Тихий и спокойный человек, подумает читатель, покой которого нарушают лишь повседневные тяготы службы и война, мрачной тенью нависшая над всей Россией; ничем не примечательный офицер, только очень совестливый, – и будет прав, но этот человек – Николай II, император Всероссийский. Письмо датировано 8 марта (26 февраля) 1917 г.; в то время как его империя рушилась, он спокойно писал о пасьянсе и домино.

Самым большим несчастьем для империи, которой он правил, для династии, которую он представлял, а также для него самого было то, что он находился на троне в кризисное время. Трудно представить себе человека, более неподходящего для управления страной в годы войны, когда от правителя требуется твердость, решительность, умение отстаивать свое мнение и способность взять на себя и вынести бре-

мя ответственности за страну, чем Николай II. Трудно представить кого-то менее способного нести ответственность за судьбу 150 миллионов соотечественников, постепенно, но неуклонно высвобождавшихся от последствий крепостного рабства. Как бы сказали историки, склонные к морально-го рода оценкам, он не был «плохим человеком». Что гораздо хуже, он был слабым человеком, и отсюда тянулась вся цепь тяжелых и неприятных последствий, вызванных в том числе и тем упрямством, которое почти неизбежно свойственно слабым людям. Власть в его руках была «не властью, а ее бледной тенью», он легко становился жертвой влияния и давления со стороны окружающих, оставаясь при этом невосприимчивым к советам и рекомендациям, которые давались спокойно и доброжелательно. Он был глубоко религиозным и верующим человеком; однако его безграничная вера была близка к фанатичной; она не приносила ему душевный покой, а выражалась в какой-то отстраненности от окружающего мира и упрямой пассивности, что делало его фаталистом, заглушало собственное мнение и суждения, как и ослабляло способность их вырабатывать, развивало замкнутость и создавало непреодолимое препятствие в полноценном общении с окружающим миром. Ситуация усугублялась тем, что он был женат на женщине, которая хотя и обожала его, но стремилась играть в их отношениях господствующую роль. Она была еще более, чем он, склонна к мистицизму и считала своим долгом и предназначением «все-

лить» в Николая II мужественность и боевой настрой – те самые качества, которые были совершенно не присущи его странной и необычной натуре. В своих письмах к нему царица неоднократно называет себя «мущиной в штанах»⁸ и умоляет супруга не слушать советы тех, кто предлагает умеренные шаги и полумеры. «Только дураки и трусы могли предложить тебе такое, – пишет она в одном из писем мужу в Ставку и добавляет: – Я думаю, мне пора появиться там в моих черных штанах»⁹.

У Николая II было одно странное и необычное свойство: он одновременно и притягивал к себе и отталкивал. Некоторые из террористов, совершивших убийства губернаторов и других высокопоставленных официальных лиц, восходя на эшафот, взывали «к доброму сердцу и благородным помыслам государя», причем делали это не для того, чтобы заслужить помилование, а чтобы привлечь его внимание к плачевному состоянию дел в государстве. Человек, выдававший себя за убийцу Людовика XV, заявлял, что он заколол его, чтобы удостовериться, «есть ли у него сердце», а убийцы саванников Николая II, умирая, называли себя его верными

⁸ Супруга Николая II Александра Федоровна всерьез воспринимала лесть придворных, которые сравнивали ее с Екатериной II, и называла себя единственным «мущиной в штанах» при дворе.

⁹ Черные штаны входили в солдатскую форму русской армии того времени наряду с черным мундиром с красными кантами и черной фуражкой, высокая туля которой также была оторочена красным кантом; данной фразой царица подчеркивает, что в Ставке не хватает боевого духа.

подданными. «Что он за человек? – писал его дядя великий князь Николай Михайлович. – Он вызывает у меня отталкивающее впечатление, и в то же время я люблю его, поскольку он, безусловно, неплохой человек, сын своих родителей. Я его люблю по-родственному, но какая же мелкая и мерзкая у него душонка!»¹⁰

В первые недели войны в России, как и в других странах, наблюдался взрыв патриотического энтузиазма. Российские подданные, казалось, объединились вокруг «царя-бабушки»; мистическая и таинственная сила славянской души нашла свое выражение в чувствах преданности и почитания государя императора, который превратился в центральную политическую фигуру, окруженную восхищением и поклонением; монархические чувства, казалось, вспыхнули с новой силой. Однако и вспышка любви к монарху, и патриотический подъем вскоре сошли на нет. Сокрушительные поражения русской армии в Восточной Пруссии, растущие перебои с продовольствием в городах, все возрастающая повсеместная неспособность власти на всех уровнях справляться с жизнеобеспечением людей – все это привело к тому, что в

¹⁰ Как и многие зарубежные исследователи, автор делает акцент на личных качествах Николая II, его супруги и вообще влиянии его личной жизни на управление государством. При естественной важности этих аспектов, особенно в условиях самодержавной монархии, следует учесть, что к «кризисному времени» страна подошла не «вдруг»; и на этом довольно длительном пути необходимые для общества преобразования не предпринимались и тогда, когда на троне находились предшественники Николая II, которые не имели тех недостатков, которые имел он, и правили в более благоприятных внутренних и внешних условиях.

России раньше, чем в какой-либо другой воюющей стране, стали проявляться признаки усталости и недовольства войной. К этому добавлялась и подпольная революционная пропаганда, которая активно велась по всей стране со времен потерпевшей поражение русской революции 1905 г. Нараставшие трудности вкупе с революционными призывами усиливали брожение в массах. Армия проявляла в боях примерное мужество и доблесть, но и в ней существовало серьезное недовольство тем, что из-за невежества и откровенного воровства она не была обеспечена необходимым снаряжением и боеприпасами. Боевой настрой и моральный дух солдат стремительно падали после осенней кампании 1914 г.; в декабре того же года генерал Куропаткин записал в своем дневнике: «Все жаждут мира... целые батальоны, вместо того чтобы подниматься в контратаку, шли к немецким окопам сдаваться с поднятым вверх оружием. Чувствовалась общая усталость от тягот войны».

Стремление к миру можно было наблюдать и в высших правительственных и придворных кругах. В сентябре 1914 г. граф С.Ю. Витте, вернувшись из Парижа, говорил французскому послу в России Марису Палеологу, что самая разумная для России политика заключается в том, «чтобы покончить как можно скорее с этой глупой авантюрой», поскольку победа Антанты приведет к триумфу демократии и провозглашению республик по всей Центральной Европе. «Это будет означать конец монархии в России. Я предпочту умол-

чать о том, какие это может иметь последствия». Аналогичной позиции придерживался Союз русского народа – черносотенная организация, стоявшая на крайне реакционных позициях, а также прогермански настроенные круги при царском дворе.

К началу 1915 г. царь столкнулся со стремлением к миру практически со всех сторон: левые требовали мира, отражая настроения людей, уставших от войны и требовавших конституционных реформ; правые же стремились к миру, чтобы пресечь в зародыше попытки подобных преобразований, пока это еще было возможно. От царя требовали заключения мира между российской и германской правящими монархиями ради сохранения самодержавия в России. Вопрос о мире превратился в главный политический вопрос в стране.

Николай II выступал за выполнение союзнических обязательств перед другими странами Антанты, и он мог возродить тот массовый патриотический энтузиазм, который наблюдался в начале войны. Если бы в 1915 и 1916 гг. он прислушался к умеренным советам левоцентристки настроенных деятелей, то смог бы восстановить доверие между народом и троном. Однако его основной грех, от которого он не мог избавиться, – слабость вкупе с неверием в свое собственное мнение, поскольку все предопределено свыше, толкали его к тому, чтобы прислушиваться к советам крайних реакционеров, стремящихся все оставить неизменным, а не

к тем, кто предлагал идти по пути умеренных преобразований.

Все это привело к разрозненным и несогласованным попыткам заключения сепаратного мира с Германией, переговоры о котором пытались вести через торговые и финансовые структуры и компании, а также через короля Швеции и великого герцога Гессенского, который являлся братом царицы Александры Федоровны¹¹.

Эти попытки всячески поощрялись и поддерживались проникшими в Россию германскими шпионами, которые умело играли на чувствах консервативно настроенных кругов, пугая их возможной революцией и предательством союзников. Ими распространялись слухи, что Англия планирует лишить Россию того, что ей было обещано в качестве «военного трофея»: оставить за собой Константинополь, а Дарданеллы, которые в случае успеха союзников должны были отойти к России, превратить в новый Гибралтар. Франция и Япония якобы были готовы поддержать в этом англичан, за что японцам была обещана «свобода рук» в осуществлении фактического захвата Маньчжурии. Эти слухи имели столь сильное воздействие на российские правящие круги, что на конференции союзников в Шантильи в ноябре 1915 г. российский представитель всерьез предложил отказаться от во-

¹¹ Александра Федоровна до замужества была принцессой Алисой Дармштадтской (некоторые исследователи, в частности С.С. Ольденбург, называют ее Алисой Гессенской); Дармштадт – город и административная единица в Южной Германии; Гессен – административная единица в Центральной Германии.

енных операций в районе полуострова Галлиполи¹².

Более того, осенью 1915 г. был сделан важный шаг, способствовавший российско-германскому сближению. Николай II вопреки своему мнению и под давлением императрицы и ее окружения сместил с должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, которого германский кронпринц называл «главной преградой на пути сепаратного мира», и взял командование армией на себя.

Несмотря на то что царь вопреки советам умеренно настроенных приближенных сместил своего дядю с поста Верховного главнокомандующего, летом 1916 г. русским войскам улыбнулась удача. Генерал Брусилов совершил замечательный прорыв в направлении Карпат, одержав победу, которая могла сравниться лишь с успехами, достигнутыми во время летней кампании 1914 г.

Австрийские войска растаяли «подобно тонким облакам над Бискайским заливом под напором бури, пришедшей с Атлантики»; однако потери русских войск были огромны, а когда подоспели срочно переброшенные на помощь австрийцам немецкие дивизии и закрыли прорванный фронт, наступление русских войск было остановлено; продолжение его было бессмысленно и чревато очень большими потерями.

¹² Между полуостровом Галлиполи, являющимся территорией Турции, и основной материковой частью Турции расположен пролив Дарданеллы, через который осуществляется проход из Средиземного моря через Эгейское море – в Мраморное море, а далее, через пролив Босфор, уже в Черное море.

ми. Брусилов пытался компенсировать потерями в живой силе отсутствие столь необходимых ему артиллерии и снарядов. В некоторых дивизиях винтовки были лишь у трех солдат из десяти, шедших в атаку. Ввиду нехватки снарядов, которые могли бы быть использованы для уничтожения заграждений из колючей проволоки, последние преодолевались по горам трупов убитых, сраженных огнем немецких пулеметов. Русские войска сражались с величайшим мужеством, однако эта операция, завершенная в сентябре 1916 г., была последним значительным успехом царской армии. Этот успех обошелся более чем в миллион солдатских жизней, а на смену подъему боевого духа пришло отчаянное до боли стремление к немедленному миру. «Мира и хлеба!», «Мира и хлеба!» – этот лозунг стал практически повсеместным¹³.

Между тем стремящиеся к сепаратному миру с Германией правые не сидели сложа руки, и благодаря их усилиям произошло сбившее всех с толку событие, весьма характерное для крайне противоречивой политики, проводившейся в то время. В середине июля 1916 г., когда русские войска под общим руководством Николая II, занимавшего пост Верхов-

¹³ Знаменитый «брусиловский прорыв», осуществленный войсками русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Алексея Алексеевича Брусилова, стал классикой военной науки. Для остановки русского наступления были ослаблены все без исключения фронты, где воевали Германия и ее союзники. Как писал, подводя итоги операции, А.А. Брусилов, «помимо 450 000 человек, бывших вначале передо мной, против меня было перекинуто с других фронтов свыше 2 500 000 бойцов».

ного главнокомандующего, одерживали на фронте победы, был отправлен в отставку твердо стоявший на стороне Антанты и выступавший за выполнение союзнических обязательств министр иностранных дел Сазонов, а его полномочия стал выполнять концентрировавший в своих руках всю большую власть председатель Совета министров Штюрмер¹⁴ – человек из близкого окружения императрицы и ставленник «Божьего человека» Распутина.

Назначение в такой переломный момент на пост министра иностранных дел откровенного реакционера, явно симпатизировавшего Германии и всегда выступавшего против союза с демократическими западноевропейскими государствами из-за опасения, что такое сотрудничество создаст каналы, по которым в Россию будут проникать либеральные идеи и взгляды, оказало очень сильное воздействие как внутри России, так и за ее пределами. Для гражданского населения и для армии замена Сазонова на Штюрмера была знаком того, что удаление из окружения царя последнего влиятельного человека, придерживавшегося умеренных взглядов, означает решение Николая II пытаться сохранить в неизменном виде существовавшую административную систему, насквозь пропитанную некомпетентностью и коррупцией, которая не могла обеспечить ни военных, ни мирное население элемен-

¹⁴ Штюрмер Б.В. (1848–1918) – чиновник министерства юстиции и двора. В январе 1916 г. при поддержке Г. Распутина и императрицы Александры Федоровны назначен председателем Совета министров. Одна из наиболее одиозных фигур последнего царствования.

тарно необходимым для нормальной жизнедеятельности.

Представители Антанты в Петрограде восприняли новое назначение как серьезный удар по интересам союзников. «Я не могу иметь доверительные отношения с человеком, на слово которого нельзя положиться и который лишь руководствуется интересами личной выгоды и тщеславия, – писал о Штюмере тогдашний английский посол в России Д. Бьюкенен. – Хотя его личный интерес и требует придерживаться внешнеполитического курса его предшественника, в душе он является убежденным сторонником Германии, настоящим германофилом». Французский посол Марис Палеолог еще более откровенно предупреждал свое правительство о возможности изменения внешнеполитического курса России. Он писал: «Мы должны быть готовы к тому, что детали наших секретных переговоров станут известны определенному кругу лиц, которые, в силу своей прогерманской ориентации, благодаря установленным через посредников связям с германской аристократией и финансовыми кругами, а также ненависти к либеральным взглядам и демократии уже приняли решение пойти на восстановление отношений и заключение мира с Германией».

Страны Тройственного союза также отмечали назначение Штюмера как важное событие, но уже со своей точки зрения. «Он безусловно расположен к нам, – писал немецкий кронпринц. – Я рассматриваю это назначение как явный знак стремления начать мирные переговоры».

Будучи слишком хитрым и осторожным, чтобы пойти на открытый пересмотр прежней политики в отношении Германии, Штюрмер в то же время делал все от него зависящее, чтобы обеспечить российско-германское сближение. Он отложил опубликование соглашения между Россией и Англией, рассеивающего все опасения относительно английских планов в отношении Константинополя и проливов, а также манифеста по Польше, одобрение которого Сазонов буквально вырвал у Николая II за день до своей отставки. В немецких политических кругах возникло сильное убеждение, что вопрос о сепаратном мире явно стоит в политической повестке дня и помешать ему может лишь какая-то грубейшая, граничащая с несуразностью политическая или дипломатическая ошибка.

Однако именно такая ошибка, а точнее сказать, ошибочная линия вскоре и последовала. Немецкое Верховное командование было явно увлечено миражом того, как польское население пополнит армии «серединных империй», столь остро нуждавшихся в личном составе, и что польские солдаты пойдут в бой под командованием немецких офицеров. Поэтому оно выдвинуло идею провозглашения независимого Царства Польского под протекторатом Германии и Австро-Венгрии, как гарантов его независимости. Этот план был встречен резко отрицательно в немецких политических и дипломатических кругах; против него выступал и ряд сотрудников Генерального штаба. Однако немецкое Верхов-

ное командование, зачарованное радужными перспективами, порожденными его собственными заблуждениями, упорно продолжало проводить линию, которая перечеркивала все надежды на достижение мира. Штюмер старался избежать публичных заявлений на эту тему (в том числе и потому, что план Сазонова предусматривал определенные территориальные уступки со стороны Германии и Австро-Венгрии), а Гинденбург и Людендорф, наоборот, громогласно объявляли, что в состав независимого Царства Польского войдут все территории, которые до этого входили в состав Российской империи. Маттиас Эрцбергер, активно выступавший за заключение сепаратного мира с немецкой стороны, считал, что подобное заявление по польскому вопросу было «настоящей политической катастрофой, похоронившей единственную возможность заключить мир».

Провал планов Штюмера совпал с тем, что о них частично стало известно умеренным лидерам левоцентристского направления. Глава Объединения земств князь Львов¹⁵ объявил о «мучительных, ужасных подозрениях в государственной измене»; о том, что «скрытые силы тайно работают на

¹⁵ Союз земств возник как в основном благотворительная организация еще до Русско-японской войны 1904–1905 гг.; во главе его стал князь Г.Е. Львов. Союз, в частности, участвовал в борьбе с голодом, эпидемиями, оказывал помощь переселенцам на Дальний Восток. В августе 1914 г. был учрежден Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. В 1915 г. он слился с городским союзом, где ведущие позиции занимало московское купечество, в результате чего образовался Союз земств и городов – Земгор.

Германию, подготавливая позорный мир. и эта работа ведется самым активным образом». Лидер кадетов П. Миллюков пошел еще дальше: в своей знаменитой речи в Думе он прямо обвинил Штюрмера в государственной измене в высших эшелонах власти.

Под давлением естественного хода событий Николай II, во время одной из редких вспышек прозрения, сместил Штюрмера с поста премьера; он, возможно, отправил бы в отставку и крайне непопулярного коллегу Штюрмера по правительству – Протопопова, но его «отстояла» императрица, специально приехавшая в Ставку «в черных штанах» и самом боевом настроении, чтобы не допустить отставки человека, которому, по словам Распутина, «судьбой было вверено спасение империи». Поэтому, хотя официальным главой правительства был назначен Трепов, выступавший за выполнение союзнических обязательств, фактическая власть по-прежнему осталась в руках все той же правящей клики¹⁶.

К концу 1916 г. внутреннее положение России, еще более осложнившееся после убийства Распутина, последовавшего в декабре этого же года, стало таковым, что столкновение между правым и левым лагерем стало практически неизбеж-

¹⁶ Автор напрасно ставит во главу угла переговоры о сепаратном мире. Нет никаких явных свидетельств того, что Николай II и придворное окружение пытались заключить сепаратный мир с Германией. Подавленность Николая II, на которую обращали внимание многие очевидцы, была вызвана как раз тем, что практических возможностей укрепить свою власть, как и людей, на которых можно было в этом опереться, уже практически не осталось.

ным. Революция планировалась как сверху, так и снизу; ключевым условием ее в обоих случаях было заключение мира: правым мир нужен был для того, чтобы спасти монархию, левым – чтобы ускорить установление «диктатуры пролетариата».

Сторонники монархии с предельной откровенностью подчеркивали необходимость закончить борьбу на военном фронте и перенести ее в тыл. В середине января 1917 г. Союз русского народа советовал царю «восстановить порядок в государстве любой ценой и таким образом обеспечить победу над внутренним врагом, который уже давно является более опасным и безжалостным, чем враг внешний». Экономическая ситуация стремительно ухудшалась; нарастали перебои с поставками продовольствия; в Петрограде открыто говорили, что правительство сознательно их вызывает, чтобы сделать невозможным продолжение войны, спровоцировать выступления протеста, забастовки и беспорядки и на этом основании принять решительные и жесткие меры по отношению к социалистическим партиям и организациям. Справиться с резко ухудшающейся ситуацией можно было, лишь заключив мир.

Мир также был необходим и крайне левым, которые чувствовали, что приближается момент решающей схватки с дворянско-монархическим режимом, и хотели развязать себе руки для этой схватки и направить на нее высвободившиеся народные силы. В стране стремительно нарастала рево-

люционная пропаганда; рабочих призывали бастовать и требовать мира; солдат – отказываться воевать дальше. В прежний революционный лозунг «Мира и хлеба!» было внесено дополнение; теперь он гласил: «Мира, земли и хлеба!», но мир по-прежнему оставался на первом месте. Генералы действующей армии на всех фронтах получали по военно-полевой почте анонимные письма, в которых говорилось, что солдаты измучены войной и что немедленное заключение мира является единственным выходом из положения.

Между этими крайними силами находилась группа умеренных левого направления, представленная такими деятелями, как Г. Львов¹⁷ и П. Милюков¹⁸ и председатель Думы М. Родзянко¹⁹, которые оставались приверженцами выполнения

¹⁷ Львов Г.Е. (1861–1925) – князь, крупный помещик, земский деятель – председатель Тульской губернской земской управы, в годы Первой мировой войны – председатель Всероссийского земского союза, с 1912 г. – член Московского комитета партии «прогрессистов». После Февральской революции – председатель Совета министров и министр внутренних дел первого Временного правительства, возглавлял также первое коалиционное правительство.

¹⁸ Милюков П.Н. (1859–1943) – видный историк, профессор, крупный политический деятель, главный организатор партии кадетов. Выступал как апологет империалистических устремлений российской буржуазии. В первом составе Временного правительства занял пост министра иностранных дел. Его нота о продолжении войны и верности союзническим обязательствам вызвала возмущение народа, и 15 мая 1917 г. Милюков ушел в отставку.

¹⁹ Родзянко М.В. (1859–1924) – крупный землевладелец, лидер октябристов, председатель IV Государственной думы, был тесно связан с царским окружением. После Октябрьской революции отбыл в белую Добровольческую армию, а в 1920 г. эмигрировал.

союзнических обязательств и хотели, чтобы Николай II спас себя и страну, осуществив, пока не поздно, конституционную реформу. Но они тщетно пытались вырвать Николая II из-под влияния *камариллы* и убедить его прислушиваться к более разумным советам умеренных деятелей. Их уговоры и, подчас, мольбы разбивались о непроницаемую стену, которой царь отделил себя от окружающих, и в предвидении неминуемой катастрофы они вернулись в политические салоны Петрограда, в которых государственные деятели, военные, представители дворянства и просто образованные люди бесконечно обсуждали, кого следует «сместить»: императора, императрицу, Протопопова или всех троих сразу.

Предупреждал об опасности и великий князь Александр Михайлович, который писал: «Недовольство нарастает очень быстро. Как ни странно, именно правительство является тем органом, который подготавливает революцию»²⁰. В конце концов, английский посол Дж. Бьюкенен, пренебрегая всеми правилами дипломатического этикета, во время аудиенции у Николая II прямо заявил: «Ваше величество, вы находитесь на развилке двух путей: один из них ведет к победе и славному миру, другой – к революции и катастрофе».

Однако российский император, плотно закутавшись в

²⁰ Позднее, в разговоре с генералом Брусиловым, великий князь признался: «Я не имею никакого влияния на ситуацию и не могу ничего сделать, как и нести ответственность за последствия. Мой двоюродный брат... является рабом влияния и давления, и никто не в силах это изменить или что-то с этим поделать». (Примеч. авт.)

мантию апатии и безразличия, пресекал все попытки спасти его от себя самого. Окружавшие его люди на заключительном этапе этого кризиса были поражены «холодной, каменной выдержкой» Николая II, которая выделялась особенно контрастно на фоне общей растерянности и подавленности. «Что это? – задавался вопросом генерал Данилов в те роковые дни. – Исключительная, почти невероятная выдержка, достигнутая в результате долгих тренировок, или вера в божественную предопределенность событий, или же просто отсутствие ума?»²¹

Именно каким-то невероятным душевным спокойствием и отреченностью от происходившего вокруг можно объяснить, что царь по возвращении из Петрограда в Могилев в феврале 1917 г. мог писать в письме близким о домино и пасьянсе. Когда позднее разразилась буря и 2 марта Николай II был вынужден написать манифест об отречении от престола, он сделал это столь спокойно, не проявив при этом никаких эмоций, что это привело в замешательство и недоумение как друзей, так и его врагов, которые были очевидцами этого события.

Николай II ушел в небытие: сначала в ссылку, а потом приняв мученическую смерть; с ним ушла и 300 лет неограниченно правившая Россией династия Романовых. Старый режим рухнул под грузом собственных проблем, из-за внут-

²¹ Генерал Ю.Н. Данилов был начальником штаба Северного фронта и непосредственно присутствовал при отречении Николая II.

ренной слабости и разложения, которые окончательно его подорвали. На смену ему пришло мощное народное движение, которое не было четко оформлено политически и не имело ясной программы, но которое выдвигало три выстраданных основных требования: «Мира, земли и хлеба!» Занавес был поднят, и начала разыгрываться величайшая драма современной истории.

Однако главный действующий персонаж этой исторической драмы пока находился в стороне от эпицентра событий и не вышел еще на основную сцену. Владимир Ильич Ульянов, известный среди товарищей по революционной борьбе, а позднее ставший известным всему миру как Ленин, в это время жил в Цюрихе в мрачного вида доме, построенном в XVI веке, расположенном на улице Шпигельштрассе. В этом доме он и его жена, Надежда Константиновна Крупская, снимали скромную комнату у семьи рабочих, которые, в свою очередь, снимали ее у домовладельца.

Начало Первой мировой войны застало Ленина и Крупскую в австрийской Польше, где они находились в эмиграции.

После непродолжительного ареста по обвинению в шпионаже Ленину было разрешено отбыть в Швейцарию, где он с женой на первое время остановился в Берне. Жили очень бедно («Главная беда в том, что катастрофически не хватает денег, — писал Ленин, — из-за дьявольской дороговизны жить чертовски трудно»). На личные нужды им пришлось растягивать на три года 160 фунтов, оставленных им матерью Крупской. В конце концов им удалось перебраться в Цюрих.

Комната была маленькой и неудобной. Окна выходили

во двор: летом чувствовалась духота и неприятный запах; зимой – тот же неприятный спертый воздух и слякотная сырость. Сама Шпигельштрассе представляла собой узкую улочку. К счастью для него и близких, Ленин был неприхотлив к внешней обстановке и вообще мог стойко сносить неблагоприятные обстоятельства. Ему не доставляло особых неудобств то, что кофе приходилось пить из чашки со сломанной ручкой, что ели они с женой на общей кухне и что еда была крайне скромна, если не скудна, что единственной мебелью в комнате были стол, две кровати, два стула и швейная машинка. Эти неудобства прежде всего ощущала Крупская как домохозяйка, а его мысли были всецело заняты борьбой за торжество и победу социализма на мировой арене.

Ленин работал с тем неутомимым упорством и энтузиазмом, которые позднее позволяли в Советской России творить настоящие чудеса, создавая и строя при жесточайшей нехватке необходимого исходного материала. Вся его энергия была направлена на то, чтобы подбодрить своих соратников как в России, так и за ее пределами. Как публицист и теоретик, он стремился к тому, чтобы вместо Второго интернационала был создан Третий интернационал, который был бы действительно пролетарским и стал бы центром по координации и руководству борьбой пролетариата во всем мире.

Работать дома было невозможно. Окна их комнаты выходили во двор, рядом с которым располагалось предприятие по производству колбас; из-за зловонного запаха при-

ходилось постоянно держать окна закрытыми. Ленин использовал испытанное поле боя – читальный зал публичной библиотеки (разве большая часть планов по организации большевистской партии не была разработана в мирной тиши читального зала Британского музея?). В Цюрихе служащие библиотеки предъявляли довольно жесткие требования к внешнему виду посетителей. Некоторых соратников Ленина по большевистской партии не допустили к работе из-за их довольно потрепанной и забрызганной грязью одежды и обуви. Однако у Ленина было одно довольно приличное пальто, а также пара хорошей обуви, и он мог спокойно работать в библиотеке. Немногочисленные завсегдатаи библиотеки не обращали особого внимания на невысокого коренастого русского, с лысиной, слегка вздернутым носом, большим ртом и квадратным подбородком, покрытым небольшой бородкой и рыжими усами, который ежедневно приходил сюда и работал с девяти утра до шести вечера с тем неистощимым и неослабевающим упорством, которое свойственно настоящему революционеру. При помощи перьевой ручки он вел яростную и непримиримую борьбу с теми социал-демократическими партиями в воюющих странах, которые пошли на сотрудничество с правительствами и поддержали ведение войны, предав тем самым пролетариат и его дело и став на сторону империализма.

На конференциях в Циммервальде (в 1915 г.) и Кинтале (в 1916 г.) Ленин и его сторонники сформировали цельное,

убежденное и действенное меньшинство из представителей левого крыла социал-демократических партий, которое, будучи объединено четко поставленной целью, обрушилось с беспощадной критикой на своих коллег по партиям, находящимся на правом крыле и в центре, и открыто провозгласило лозунг: «Не гражданский мир, а гражданская война». Принятый в Циммервальде манифест призывал «использовать любое народное движение, вызванное войной, для организации уличных демонстраций против правительств и проводимой ими политики; вести пропаганду международной солидарности и братания в окопах; осуществлять поддержку забастовок с экономическими требованиями и предпринимать усилия по превращению их, при благоприятных условиях, в политические забастовки».

Ленин считал, что возможен лишь один подход к европейской войне: использовать ее для ликвидации капиталистической системы и замены ее «диктатурой пролетариата». Война должна была стать похоронной процессией империализма.

Хотя сторонники Ленина были немногочисленны, но влияние, которое оказывали их взгляды, было весьма заметным. Притом что ленинский подход был отвергнут рядом международных конференций социал-демократических партий, он нашел благодатную почву среди крайне левого крыла немецкой социал-демократии. Видный его лидер, Карл Либкнехт, выступая в Нюкёльне в январе 1915 г, поддержал те-

зис, сформулированный Лениным в Цюрихе: «Ответим на войну классовой войной».

Год спустя совместно с Розой Люксембург он приступил к подпольному распространению знаменитых писем «спартаковцев», в которых содержался страстный призыв к революционной борьбе²².

Их усилия принесли свои плоды – идеи Циммервальда получили широкое распространение. Только в мае 1916 г. 3 немецких офицера и 32 рядовых были расстреляны за распространение в окопах копий циммервальдского манифеста.

В той жесткой борьбе, в которую оказались вовлечены сторонники Ленина, не все из них придерживались таких же твердых и непоколебимых взглядов, как он. В течение 1916 г. сформировалась группа социал-демократов, которым пришлось сыграть исключительно важную роль в будущих политических схватках. Между Лениным и Троцким уже существовали разногласия. Формула Троцкого – «действительная национальная самооборона состоит в борьбе за мир» – казалась Ленину оторванной от жизни пацифистской проповедью, против которой он яростно сражался. Он писал: «Предполагать, что империалистическая война может окончиться демократическим миром... означает попытку ввести в заблуждение народные массы и скрыть от них

²² Немецкие социал-демократы левого крыла (К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Л. Иогихес (Тышка), В. Пик) образовали группу «Спартак», названную в честь легендарного вождя восстания рабов и гладиаторов в Древнем Риме.

ту многократно подтвержденную правду жизни, что демократический мир невозможен без победы революций в ряде стран. Долой сентиментальные проповеди и абсурдные мечты о «мире во что бы то ни стало»!»

Ленин считал, что главной задачей революции и основой успешного осуществления ее целей является установление диктатуры пролетариата, то есть такой власти, которая обеспечит ведущую роль рабочих и крестьян в переустройстве всего общества. В этом своем убеждении он не имел твердой поддержки всех своих сторонников; среди них были сомневающиеся и колеблющиеся. Письма Ленина к своим друзьям – А. Шляпникову²³ и Александре Коллонтай²⁴ – полны критики и недовольства теми, кто подвержен колебаниям

²³ Шляпников А.Г. (1885–1937) – член РСДРП с 1901 г. Участник революции 1905–1907 гг. С 1915 г. – член ЦК РСДРП(б). Во время Февральской революции – один из организаторов Петроградского Совета, член его Исполкома. Участник Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского ВРК. Народный комиссар труда в первом составе Совета народных комиссаров. В 1933 г. исключен из партии как участник троцкистской оппозиции. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁴ Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – деятель российского и международного революционно-освободительного движения, дипломат. Участница революции 1905–1907 гг., член РСДРП с 1906 г., до 1914 г. примыкала к меньшевикам. После вступления России в Первую мировую войну – большевичка. На VI съезде РСДРП(б) избрана членом ЦК. Участвовала в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; после победы Октябрьской революции – народный комиссар государственного призрения. С 1923 г. – на дипломатической работе, первая в мире женщина-посол. Представляла СССР в Норвегии, Мексике, Швеции.

и нерешительности. «Кто колеблется? – писал он в феврале 1916 г. – Не только Троцкий и К^о, но также Пятаков... Радек – лучший среди них. но и Радек тоже колеблется. Пятаков и Бухарин не хотели, да и не могли все понять».

Упомянутые в ленинских письмах люди тогда были практически неизвестны, однако в будущем им предстояло сыграть исключительно важную роль и вновь не согласиться с Лениным и даже выступить против него.

В те же годы в социалистической прессе произошла знаменитая «битва псевдонимов». Бухарин, писавший под псевдонимом Нота Бене (Nota Bene), и Радек, писавший под псевдонимом Парабеллум (Parabellum), навлекли на себя яростный гнев и жесткую критику со стороны Ленина своим непониманием роли демократии в борьбе за социализм. Ленин не оставил камня на камне от аргументов своих соратников, показывая, что экономические факторы – это только основа и предпосылка социализма, а главная трудность заключается в коренном переустройстве всего общества на основе революционной демократии.

Однако в то время как эти революционные теоретики вели свои яростные схватки в области идей, никто из них – и даже Ленин – не знал, когда им придется представить свои теоретические взгляды на жесткий и суровый суд практики. Связь с товарищами в России осуществлялась очень трудно и подчас с большими перебоями. Большевики – члены Думы в ноябре 1914 г. были арестованы; серьезно пострадала

и вся партийная организация. Не имея свежей оперативной информации из первых рук, будучи погружен лишь в теоретическую работу, Ленин признавался в одном из писем из Цюриха, что там он чувствует себя «как в могиле». Он продолжал непримиримую борьбу против Второго интернационала; однако было очень изматывающим и утомительным делом ждать, когда произойдет мировая революция, о которой столько мечтали и которую так долго ждали. Хотя он, как никто другой, понимал, какие огромные силы, способные перевернуть все общество, высвободятся в результате неудачной войны, он не мог предположить или рассчитать, в какой степени этот общественный переворот уже назрел. До самого начала Февральской революции он не был уверен, что будет свидетелем осуществления той долгожданной цели, казавшейся кому-то абсурдом, которой он посвятил всю свою жизнь.

В январе 1917 г. в Петрограде широко обсуждалась возможность дворцового переворота; она стала привычной темой разговоров и во время обедов, которые давал английский посол в Петрограде. Единственно, в чем не были уверены, – будет ли убит император вместе с императрицей, или же убьют только последнюю. Выступая перед молодежью в Народном доме Цюриха, Ленин с сожалением говорил: «Мы, представители старшего поколения, возможно, не доживем и не увидим решающих сражений предстоящей революции». Ленин предпринимал усилия, чтобы устранить колебания и

разногласия в теоретических вопросах среди своих соратников, однако какой-либо подготовки к этому великому дню он не вел. Вопрос о возвращении в Россию в случае начала революции не обсуждался; об этом даже и не думали. Февральская революция оказалась для Ленина в Цюрихе такой же неожиданностью, как и для лорда Мильнера в Петрограде после четырех недель пребывания в российской столице. В то же время, как последний докладывал своему правительству в январе 1917 г.: «Мне кажется, что разговоры о предстоящей революции являются большим преувеличением», Ленин писал в письме сестре: «Жизнь у нас идет спокойно, все очень тихо... по-прежнему очень холодно... Вести от вас идут очень долго».

Дни уныло и монотонно текли своим чередом. Ленин завершил работу над книгой, посвященной швейцарскому образованию, заказанную одним швейцарским издателем. Ему необходимы были деньги.

Но унылая монотонность и размеренность эмигрантской жизни вдруг резко оборвалась. В полдень 2 марта 1917 г. Крупская мыла посуду после скромного обеда, а Ленин складывал в портфель бумаги, готовясь вернуться в библиотеку. Вдруг на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся их друг Бронский²⁵.

²⁵ Бронский М.Г. (1882–1941) – польский социал-демократ, затем большевик. Партийную работу вел в Польше и Швейцарии. С июня 1917 г. работал в Петро-

Размахивая тонкими листками специального газетного выпуска, он, не успев отдышаться, воскликнул: «Разве вы не слышали? В России произошла революция!»

«Не помню, как мы дождались, пока закончится этот день», – запишет позже Крупская.

Глава 2

Ленин, Керенский и вопрос о мире

1

По иронии судьбы, в результате Февральской революции у власти оказались те, кто хотел продолжать войну, хотя вся страна в этот момент была буквально охвачена страстным стремлением к миру. Если бы царский режим сумел подавить революцию, сепаратный мир с Германией был бы заключен практически немедленно и на любых условиях. Аналогичным образом, сумей большевики прийти к власти в то время, политика, которая в конечном итоге привела к заключению Брестского мира, начала бы осуществляться на девять месяцев раньше.

Однако случилось так, что властный скипетр, выпавший из монарших рук 2 марта 1917 г., был подхвачен либералами конституционалистами, которые выступали за продолжение войны под лозунгом защиты свободы и демократии, несмотря на страстное стремление к миру подавляющего большинства жителей России и под лозунгом заключения которого революция фактически и произошла.

В обстановке той сумятицы, которая происходила меж-

ду Февральской и Октябрьской революциями, Временное правительство выступало за продолжение войны, пытаясь соединить несоединимое: верность союзникам и союзническим обязательствам и молчаливое признание того, что подавляющее большинство общества жаждет немедленного мира. То, что это невозможно, было осознано слишком поздно; эта иллюзия дорого обошлась Временному правительству: большевики использовали общее стремление к миру в качестве орудия, при помощи которого режим, пришедший к власти в результате Февральской революции, был сметен.

Трудно найти в истории пример более откровенного политического бессилия и неумения осуществлять управление государством, чем деятельность Временного правительства, которое пришло к власти после отречения царя от престола.

Это правительство, состоявшее из десяти либералов и одного социалиста («десять капиталистов и один заложник демократии», как писал Ленин)²⁶, пыталось, все менее и менее успешно, «идти по канату», балансируя между верностью союзникам и общей страшной усталостью от войны внутри России, сопровождая это балансирование высокопарными и напыщенными фразами и заявлениями. В результате не по-

²⁶ В листовке «Товарищам, томящимся в плену», обращенной к русским военнопленным, В.И. Ленин писал: «Демократ» Керенский приглашен в новое правительство только для того, чтобы создать видимость народного правительства, чтобы иметь «демократического» краснобаю, который говорил бы народу громкие, но пустые слова, в то время как Гучковы и Львовы будут делать антинародное Дело».

лучилось ни того ни другого; оно также не смогло найти себе опору среди сторонников монархических традиций, как и создать какую-либо другую основу, на которую оно могло бы опереться. Своего собственного авторитета у него практически не было. Это правительство было не столько революционным, сколько идеалистическим, совершенно неспособным контролировать те мощные народные силы, которые привели его к власти. Такое правительство, как по своему составу, так и по реальным способностям и возможностям, могло бы работать в стране с устоявшимися демократическими порядками, причем на таком этапе развития, когда была бы не нужна сильная государственная власть; однако оно совершенно не подходило для революционного времени. К тому же большинство его членов были в душе монархистами, а не революционерами.

Безусловным лидером конституционно-демократического режима был премьер-министр Временного правительства князь Г. Львов. Он заслужил авторитет и уважение за свою деятельность в качестве председателя Союза земств; еще при царе он выступал за введение конституционной монархии. Министром иностранных дел стал П. Милюков, который много лет изучал вопросы международных отношений и мировой политики и, как казалось, лучше, чем кто-либо из его коллег, подходил для этой должности. Однако, несмотря на свой блестящий ум и замечательные способности, он был больше педагогом-преподавателем, нежели госу-

дарственным деятелем; его выступления тех времен напоминали лекции, которые профессор университета читает своим студентам, причем довольно бестолковым. Пост военного министра получил А. Гучков, являвшийся представителем успешного московского торгово-промышленного класса. Будучи идеалистом, он принял участие в Англо-бурской войне начала XX в. на стороне буров, а также стал видным лидером консервативного крыла партии октябристов в Думе. Пост министра финансов достался молодому и очень энергичному М. Терещенко²⁷ – «сахарному королю» и одному из самых богатых людей в России, широко известному своей благотворительной деятельностью. В 1916 г. вместе с А. Гучковым он участвовал в подготовке неудавшегося дворцового переворота. Назначен он был на весьма «неблагодарный» пост, поскольку ему предстояло руководить финансами страны, ставшей практически банкротом. И наконец, Керенский²⁸.

²⁷ Терещенко М.И. (1880–1955) – крупный землевладелец, сахарозаводчик, банкир, беспартийный, примыкал к партии «прогрессистов» (так называли себя «прогрессивно настроенные либералы», ставившие целью «утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством»).

²⁸ Керенский А.Ф. (1881–1970) – политический и государственный деятель, депутат Государственной думы, возглавлял в ней фракцию трудовиков. После Февральской революции – заместитель председателя Петроградского Совета, в марте 1917 г. вступил в партию эсеров. В первом составе Временного правительства – министр юстиции, сторонник коалиции с буржуазией. В коалиционном правительстве получил портфель военного и морского министра, с июля 1917 г. –

Из всех политических фигур, вынесенных «наверх» войной, самой странной и необычной был, безусловно, А. Керенский. Он был сыном директора гимназии, в которой учился Ленин. Благодаря отчасти своим способностям, а отчасти возможностям критиковать в Думе правительство, которыми он активно пользовался, Керенский добился видного положения среди левого крыла думцев. Его выступления были образными и высокопарными и вполне сочетались с его порывистым и запальчивым характером. Он также обладал весьма своеобразной духовной силой и внутренней энергией. «Он наполнял свои паруса ветрами безудержных и неисчерпаемых фантазий, нимало не заботясь при этом, куда они его вынесут, – писал один из его бывших коллег, – и порой он впадал в почти что самую настоящую истерию».

Таким был человек, который спустя несколько недель превратился из «заложника демократии» в правительстве князя Львова в верховного правителя России и которого Ллойд Джордж называл «этот блестящий молодой государственный деятель». Однако после непродолжительного пребывания на посту верховного правителя, опиравшегося на ненадежную и колеблющуюся опору из штыков тех солдатских частей, ко-

еще и министр-председатель (премьер-министр), с сентября 1917 г. – Верховный главнокомандующий. Был связан с Корниловым, однако, испугавшись, что может потерять власть, отказался от поддержки заговора. После победы Октябрьского вооруженного восстания скрывался в Гатчине, пытался организовать наступление на Петроград. Потерпев неудачу, бежал на Дон и в 1918 г. эмигрировал во Францию. С 1940 г. жил в США.

которые еще были ему верны, он канул в еще более глубокое забвение, чем то, из которого он вознесся на политический олимп.

Однако было что-то действительно замечательное и необычное в этом молодом человеке с квадратной головой и мертвенно-бледным лицом, постоянно произносившем высокопарные страстные речи и не без мужества ведшем «арьергардные бои» со своей собственной судьбой. И, уже будучи человеком средних лет, Керенский сохранял тот еще до конца не растраченный, несколько театральный запал, который заставлял замирать слушавшую его аудиторию, но который не был достаточен для того, чтобы повести ее за собой. Жирондисты необходимы и неизбежны при любой революции.

Охваченные страстным порывом, вызванным стремлением к высоким идеалам, и от всей души желая возрождения и взлета своей страны, они вызывают лавину, которую уже не могут контролировать, когда она начинает свое стремительное движение.

И они по-настоящему счастливы, став жертвой тех разрушительных сил, которые они вызвали, поскольку мученичество, включая и мученическую смерть, намного предпочтительней для них, нежели положение тех, которые «могли, но даже не попытались».

То, что Временное правительство не осознавало серьезности ситуации и, соответственно, не реагировало на нее долж-

ным образом, стало очевидно уже с его первых шагов в области внешней политики. Одной из основных причин падения царского режима была имевшая глубокие корни всеобщая ненависть к войне, которая непосильным бременем навалилась на страну; подавляющее большинство людей надеялись на ее скорейшее прекращение. Первые дни Февральской революции характеризовались всеобщим страстным протестом против войны, надеждой на то, что с падением старого режима придет столь желанное облегчение в виде окончания продолжавшегося уже два с половиной года кошмара войны и, наконец, наступит мир. Толпы людей шли по улицам Петрограда с флагами и плакатами, на которых были написаны лозунги: «Мира! Земли! Хлеба!» С теми же лозунгами возвращались с фронта солдаты – теперь уже не солдаты, а гражданские лица с оружием в руках и с революционным боевым настроением. Из всех трех лозунгов требование мира было самым сильным.

Все надеялись, что министр иностранных дел официально озвучит царящие в обществе настроения в соответствующем обращении к союзникам, доведя до их сведения стремление России к скорейшему заключению мира и призвав поддержать ее в этом и последовать, насколько возможно, ее примеру.

Однако именно этого Миллюков и не сделал.

В своем первом внешнеполитическом обращении, направленном к представителям российского дипломатиче-

ского корпуса за рубежом, в котором он официально уведомил их о формировании нового правительства в Петрограде, Милюков ясно показал, что, по крайней мере, лично он не разделяет общего настроения в обществе на немедленное прекращение войны и остается в этом вопросе на тех же позициях, что и прежний режим. «Правительство будет с уважением и ответственностью относиться к международным обязательствам, взятым на себя прежним павшим режимом, и будет верным данному Россией слову... и заключенному соглашению²⁹, которое неразрывно связало Россию с ее славными союзниками. Как и они, Россия полна решимости обеспечить всему миру, чего бы это ни стоило, наступление эры мира между народами на основе стабильного внутреннего обустройства стран на началах уважения человеческих прав и справедливости. Она будет сражаться вместе с ними плечом к плечу против общего врага до победного конца без каких-либо колебаний и сомнений».

Хотя это заявление было с радостью и удовлетворением встречено союзниками, которые с нетерпением ждали новостей из России о внешнеполитическом курсе нового правительства и в то же время делали предположения относительно того, рухнет ли Восточный фронт полностью или нет, оно ни в коей мере не отражало действительных настроений по

²⁹ Имеется в виду секретное соглашение, подписанное 23 августа 1914 г. в Лондоне Англией, Францией и Россией, в котором они взяли на себя обязательство не вступать в отдельные переговоры о мире с державами Центрального блока. (Примеч. авт.)

поводу войны ни в армии, ни в России в целом³⁰.

В то же время в Петрограде проходило заседание другого органа власти, который уже тогда имел удивительно большое влияние и значение которого постоянно возрастало. Это был Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, который был избран 27 февраля 1917 г. – еще до краха царского режима.

С самого начала Совет был единственным органом, который пользовался уважением и влиянием среди тех, кто непосредственно «делал» революцию, – солдат петроградского гарнизона и питерских рабочих. В тот момент этот орган контролировался меньшевиками во главе с князем Церетели.

Большевики в Петроградском Совете были представлены очень маленькой фракцией, которая не оказывала серьезного влияния на его работу и которой не хватало умелого и умного руководства. Фракцию возглавляли в то время Сталин и Каменев³¹, недавно вернувшиеся из сибирской ссылки,

³⁰ Текст ноты министра иностранных дел П.Н. Миллюкова от 18 апреля 1917 г. правительствам союзных государств с заверением, что Временное правительство будет соблюдать все договоры царского правительства и доведет войну до победного конца, стал известен в Петрограде 20 апреля. Возмущенные солдаты и рабочие вышли на улицы Петрограда с лозунгами «Долой войну!», «Долой Миллюкова!», «Долой Гучкова!», «Вся власть Советам!».

³¹ Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883–1936) – политический и государственный деятель, участник революции 1905–1907 гг., в 1908–1914 гг. находился в эмиграции. В 1914 г. вернулся в Россию для руководства «Правдой» и социал-демократической фракцией Государственной думы. Противник «Апрельских те-

причем в те дни будущий российский диктатор не проявил на посту одного из руководителей фракции качеств лидера и руководителя.

Не подлежит сомнению, что Петроградский Совет пользовался большим доверием со стороны рядовых граждан, чем Временное правительство, особенно со стороны рабочих и крестьян. Однако Совет не шел на сотрудничество с Временным правительством в каких-либо вопросах управления, а лишь выдвигал определенные политические требования и выступал в роли критика правительства. Более того, в революционном запале он нанес последний удар, окончательно похоронивший воинскую дисциплину, приняв печально знаменитый Приказ № 1, согласно которому, помимо прочего, солдаты освобождались от обязанности отдавать честь вышестоящим чинам.

О том, насколько правительство ощущало свое бессилие и насколько оно зависело от этого органа, не входившего в официальную систему управления, можно судить из письма военного министра Временного правительства генералу Алексееву от 9 марта 1917 г. А.И. Гучков писал: «Прошу верить, что действительное положение вещей таково: Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех

зисов» В.И. Ленина. На VI съезде партии избран членом ЦК. Вместе с Г.Е. Зиновьевым выступал против вооруженного восстания в октябре 1917 г. В партии занимал умеренные позиции.

размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета».

Являясь фактически независимым органом власти, Совет проводил свою собственную внешнюю политику и пытался донести до всего мира стремление трудящихся России к заключению немедленного мира. Совет действовал по двум направлениям: с одной стороны, он оказывал давление на Временное правительство, чтобы оно выступило наконец с призывом к заключению всеобщего демократического мира всеми воюющими странами, а с другой стороны, обращался напрямую к правительствам и народам других стран, вобход Временного правительства.

13 марта 1917 г. Петроградский Совет принял Воззвание к народам мира, призывая трудящихся всех стран предпринять все необходимые усилия для того, чтобы положить конец кровавой бойне. «Настало время решительной борьбы с захватническими планами правительств всех стран, от которых они исходят; настало время, когда народы должны взять решение вопросов войны и мира в свои руки. Российская

демократия призывает народы всей Европы предпринять согласованные и решительные шаги, которые бы привели к заключению мира». В воззвании содержалось специальное обращение к «братьям-трудящимся стран австро-германской коалиции и, в первую очередь, к пролетариату Германии», в то же время в воззвании подчеркивалось, что революционная Россия будет защищать свою свободу от любой угрозы, откуда бы она ни исходила; завершалось воззвание знаменитым призывом, впервые прозвучавшим в 1847 г.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Это было первое свидетельство, полученное миром, о появлении новой влиятельной силы в России, как и о том, что в стране существует серьезный внутренний конфликт, вызванный фактическим двоевластием.

Положение Временного правительства еще более осложнилось после того, как Милюков в интервью, данном специально для средств массовой информации, выступил за установление Россией контроля над Дарданеллами, что обеспечило бы ей выход в Средиземное море и положительно сказалось бы на экономическом развитии страны.

Это заявление продемонстрировало, какая пропасть лежит между официальной внешней политикой и общественным мнением, и вызвало бурю критики со стороны Петроградского Совета. И большевики, и меньшевики дружно обрушились на этот, по их мнению, возмутительный образчик империалистической политики. Премьер-министр князь Г.

Львов поспешил отмежеваться от заявления министра иностранных дел, подчеркнув, что, говоря о пользе владения Константинополем, тот высказал свою личную точку зрения и что она не была согласована с другими членами правительства. Он пообещал, что в ближайшие дни будет сделано официальное правительственное заявление по вопросам внешней политики.

Однако до того, как это обещание было выполнено, произошло событие, которому хотя и не придали большого значения, как в России, так и за рубежом, но которому было суждено затмить по важности все другие события – в Россию вернулся Ленин.

Союзники России встретили Февральскую революцию с удовлетворением и облегчением. Хотя они высоко оценивали личную приверженность Николая II союзническим обязательствам, в то же время они не могли не приветствовать отстранение от власти прогермански настроенных и коррумпированных лиц из царского окружения, которые ослабили как военную машину России, так и всю страну в целом. Было давно ясно, что во власти нет никого, кто бы мог справиться с ситуацией в это критическое время, а те, кто, казалось, мог это сделать, не допускались к власти из-за предрассудков царя. В подобной ситуации, как писал Ллойд Джордж, революция «была не только неизбежна, но и настоятельно необходима». В тот момент еще не все поняли – и это касалось даже такого проницательного человека, как английский посол в России Дж. Бьюкенен³², – что в стране произошла замена одного режима на другой и что поэтому в силу естественного хода вещей этот новый режим долго не продержится. Все

³² Джордж Уильям Бьюкенен (1854–1924) – английский дипломат, в 1910–1918 гг. был послом в России. Активно вмешивался во внутренние дела страны, чтобы любой ценой обеспечить участие России в войне, оказывал поддержку самым реакционным силам в борьбе с нараставшей революцией. В августе 1917 г. поддерживал корниловский мятеж. После Октябрьской революции участвовал в контрреволюционных заговорах, затем – в интервенции Антанты против Советской России.

надежды союзников в тот момент были сконцентрированы на побуждении России к более активному участию в операциях на восточном театре военных действий.

Была и другая причина положительного отношения союзников к Временному правительству: Россию стало возможным относить к демократическим странам, хотя она только что вступила на этот путь и была «новичком». Таким образом снималось последнее препятствие на пути вступления США в войну на стороне стран Антанты, а также появлялась возможность для правительств самих этих стран заручиться большей внутренней поддержкой со стороны профсоюзов и социалистических партий, которые до этого не испытывали большого энтузиазма от союзнических отношений с царской деспотией. О том, что Февральская революция оказала серьезное влияние на подход президента В. Вильсона к вступлению Соединенных Штатов в войну, видно из послания президента конгрессу, в котором предлагалось объявить войну Германии. В нем, в частности, говорилось: «То, что в России появилось новое правительство, являющееся либеральным, и имеется вероятность того, что оно будет развиваться и укрепляться, содействует отказу от наших сомнений относительно возможности установления союзнических отношений с российским правительством, которое мы до этого справедливо считали тираническим и коррумпированным».

В приветственной телеграмме князю Львову от 8 марта

1917 г. Ллойд Джордж писал:

«Так же как мы приветствовали твердую приверженность союзническим обязательствам и сотрудничеству со стороны бывшего российского монарха и русской армии в течение двух с половиной лет войны, мы сейчас столь же сильно и глубоко убеждены, что революция, посредством и благодаря которой русский народ поставил свою историческую судьбу на прочную основу свободы, будет важнейшим вкладом в общее дело, за которое народы стран-союзниц борются с августа 1914 года».

Правительства других союзнических держав слали в Петроград поздравительные телеграммы, выдержанные в том же духе, и заявляли о признании *де-юре*³³ Временного правительства. Они призвали своих коллег и партнеров из социалистических партий скорее отправиться в Петроград, чтобы следить за развитием революции на месте и получать информацию из первых рук, а также добиться того, чтобы новое правительство обеспечивало интересы союзников. Артур Хендерсон из Англии, Альбер Тома из Франции, Эмиль Вандервельде из Бельгии и Чарльз Эдвард Рассел из США спешно прибыли в Россию с поздравлениями новому правительству и стали дружно «наседать» на Временное правительство, требуя от него невозможных «подвигов и свершений», а именно более активного ведения военных действий. Социалисты из стран Антанты вернулись из Петрограда с

³³ То есть о полном официальном признании.

убеждением, что у новой российской власти есть основания оптимистично смотреть в свое будущее, однако следует отметить, что Э. Вандервельде завершил отчет о своей поездке следующей цитатой из Ницше: «Должен быть хаос, чтобы из него возникли новые звезды; должен быть хаос, чтобы смогли родиться новые миры».

Насколько Февральская революция стала источником облегчения для союзников, настолько же она стала предметом озабоченности и беспокойства со стороны Центральных держав. Хотя надежды на заключение сепаратного мира с Россией рухнули с провозглашением в ноябре 1916 г. независимого Царства (Королевства) Польского, прогерманские настроения при дворе, а также коррумпированность и неэффективность правящего режима безусловно были на руку Германии, являясь ее, так сказать, косвенным, но эффективным союзником. Военные действия на Восточном фронте практически замерли, и германское Верховное командование, учитывая это, готовилось к весеннему наступлению союзников на Западном фронте, поэтому его планы не ориентировались на активизацию военных действий со стороны России.

Будучи гораздо лучше осведомлено о реальном положении дел в России, чем союзники по Антанте, германское командование сразу уловило, что наиболее слабым местом России является общая усталость от войны как гражданского населения, так и солдат. «Органам пропаганды была дана команда предпринять немедленные усилия по стимулирова-

нию движения за мир в рядах русской армии», — пишет в своих воспоминаниях Людендорф. Русских также призывали не стоять на точке зрения своих союзников, а стремиться к заключению мира, независимо от того, что думают по этому поводу другие члены Антанты. «К чему стремится русский народ? — говорилось в одной из немецких листовок, разбрасываемых в русских окопах. — К тому, чтобы выполнять цели, поставленные союзниками, от чего Россия пока еще не отказалась, или к заключению мира, о чем все громче и громче ведутся разговоры среди солдат русской армии?.. Если новое правительство России вместе со своими союзниками желает убедиться, что германские дивизии и тяжелая артиллерия остаются нетронутыми на Западном фронте и не перебрасываются на Восточный, — они могут это сделать. Когда же вы, наконец, поймете, что именно Англия копает вам могилу?»

Однако подобный метод прямого пропагандистского воздействия не мог дать быстрых и эффективных результатов. Наступления союзников на линию Людендорфа на Западном фронте можно было ожидать, что называется, со дня на день. Необходимы были более действенные методы подрыва нового режима в России, возникшего в результате Февральской революции, который столь активно старались поддержать и упрочить союзники. Верховное командование обдумывало, какое более искусное и действенное орудие можно было бы применить для достижения упомянутой цели, и вдруг со-

вершенно неожиданно такое орудие, как казалось, само буквально попало в руки. И лишь год спустя военным кругам Германии стало понятно: то, что они считали действенным орудием, на самом деле оказалось смертельной силы бумерангом для них же самих.

В Цюрихе Ленин не находил себе места и буквально извелся от волнения и нетерпения. Революция, ради которой он положил столько сил и которую так ждал, произошла, но произошла совершенно неожиданно для него. Он был заперт в этом затхлом и опостылевшем мире, в то время как на улицах Петрограда творилась революционная история. Первые три дня после получения известий о революции в Петрограде он находился в какой-то неистойвой лихорадке. Все дневные часы он проводил в разработке самых отчаянных и невероятных вариантов возвращения в Россию, ночные – в исступленном бреде. Он буквально проглатывал любую новость о событиях в России из всех английских, французских и немецких газет, которые попадались ему под руку. Каждая телеграмма, каждая весть из Петрограда наполняла его душу тоской и ностальгическими воспоминаниями; он страстно желал вырваться из мира теоретической работы, в которую был погружен все эти годы, и с головой окунуться в живую практическую деятельность. Он должен во что бы то ни стало выбраться из Швейцарии – это было его главной мыслью и заботой в то время. При этом он прекрасно понимал, что как Временное правительство, так и спецслужбы стран Антанты сделают все возможное и невозможное, чтобы не допустить этого. Он перебирал самые фантастические вариан-

ты: например, улететь из Швейцарии на аэроплане или покинуть ее по поддельному паспорту в парике под видом немого шведа.

«Ты можешь начать разговаривать во сне, – говорила его практичная жена. – Если тебе приснятся меньшевики, – смеялась Крупская, – ты сразу начнешь кричать: «Негодяи! Предатели!» – «Ну что же, – отвечал Ленин, – в таком случае придется выучить шведский».

Однако спустя три дня хладнокровие вернулось к нему. В письмах в Швецию к преданной ему А. Коллонтай видна четкая и острая работа мысли; из предельно ясного и точного анализа ситуации в России понятно, что у Ленина не было ни малейших иллюзий насчет того, что Временное правительство сможет долго удержаться у власти. В письмах, предназначенных для распространения в России, он подчеркивает важнейший, по его мнению, тезис, связанный с произошедшей революцией: он призывает товарищей по партии не дать ввести себя в заблуждение Временному правительству и четко понимать, что оно является империалистическим по своим целям и сути, так же служит капиталистам и является таким же врагом трудящихся, как и старый режим, который оно сменило. Оно не сможет дать массам то, что они ожидали от революции, – мира, хлеба и свободы, подчеркивал Ленин. «Наша тактика: полное презрение и никакой поддержки Временному правительству», – телеграфировал он членам большевистской фракции в Петроградском Совете.

«Керенский вызывает наибольшие подозрения. Вооружение пролетариата – единственная гарантия».

В течение нескольких дней (с 6 по 24 марта 1917 г.) Ленин изложил задачи большевистской фракции в Совете в пяти направленных им письмах, названных «Письмами из далека». В них рассмотрены все основные вопросы революции и сформулированы задачи и пути их реализации по переходу к ее второму этапу – установлению диктатуры пролетариата. Эти работы являются ярчайшим свидетельством революционного гения Ленина. Точность и глубина оценок, проницательность и дальновидность в определении сильных и слабых сторон, безграничная и неослабевающая вера в возможности трудящихся масс – все это вызывает восхищение, если учесть скудность информации, которой располагал Ленин, и ненадежность каналов связи с Россией, действовавших с большими перебоями.

С удивительной точностью и ясностью показал он неспособность Временного правительства удовлетворить главное требование трудящихся России – дать им мир, и провозгласил, что главным и первоочередным пунктом «пролетарской» программы мира является отказ от всех секретных договоров, заключенных Россией со странами Антанты, и их немедленное опубликование, а также немедленный призыв ко всем воюющим странам заключить перемирие на всех фронтах. Это объявлялось самой первой задачей «правительства рабочих и крестьян» после того, как оно возьмет

власть в свои руки.

Тезисы и тактические задачи, поставленные Лениным, не были до конца ясны и понятны многим его соратникам в Петрограде, которые считали разговоры о новой революции и захвате власти пролетариатом утопической мечтой. В то время как Ленин страстно, настойчиво слал через всю Европу в Петроград свои призывы не доверять новой власти, Каменев, при поддержке Сталина, все больше склонялся к социал-патриотизму и фактическому сотрудничеству с Временным правительством.

Почувствовав усиление подобной тенденции в большевистской фракции Петроградского Совета – частью инстинктивно, частью из статей Каменева в «Правде», – Ленин удвоил усилия, чтобы как можно быстрее вырваться из Швейцарии. На встрече представителей политических партий России в Женеве, состоявшейся 5 марта 1917 г., лидер меньшевиков Мартов предложил, учитывая нежелание правительств стран Антанты пропустить политэмигрантов через свою территорию для возвращения в Россию, обратиться за разрешением проехать через Германию в обмен на позволение интернированным в России гражданским лицам из Германии вернуться на родину. Другие члены меньшевистской партии критически отнеслись к столь откровенному и дерзкому плану, опасаясь того, что это неизбежно приведет к соответствующим его оценкам в России. Ленин, однако, тут же ухватился за эту возможность. Он не колебался ни минуты.

Если надо выбирать между тем, чтобы ехать в Россию через Германию, и тем, чтобы оставаться в Швейцарии, то выбор для него был предельно ясен. Он немедленно готов ехать хоть через преисподнюю, под гарантии князя тьмы, если таким образом он сможет попасть в Петроград. С едким презрением он разбил все аргументы колеблющихся меньшевиков и добился принятия предложенного плана.

Первые попытки осуществления его оказались неудачными. В ответ на просьбу секретаря социал-демократической партии Швейцарии Роберта Гримма к швейцарскому правительству быть посредником в переговорах с Берлином по этому вопросу президент Союзного совета Швейцарии Гофман, отвечавший за работу политического департамента, отказался предпринять подобные шаги на основании того, что они могут быть расценены странами Антанты как нарушение Швейцарией нейтралитета. Он подчеркнул, что политэмигранты должны подать официальную просьбу на разрешение вернуться в Россию на имя министра юстиции Временного правительства (в тот момент этот пост занимал Керенский). Раздраженный случившейся задержкой, Ленин согласился на это, за неимением ничего лучшего, и соответствующая просьба была отправлена.

Прошла неделя, потом другая, а из Петрограда не было никаких вестей. Ленин был буквально вне себя от нетерпения. Вопреки предостережениям меньшевиков и других социал-демократов, он поручил секретарю социал-демокра-

тической партии Швейцарии Фрицу Платтену³⁴ вступить в прямые переговоры с германским правительством. Платтен вступил в контакт с доктором Гельфандом, известным среди революционеров как Парвус³⁵.

Он был русским политэмигрантом и еще в 90-х гг. XIX в. стал членом социал-демократической партии Германии. Не проконсультировавшись с руководством партии, Парвус начал зондировать почву в Берлине. Он связался с министерством иностранных дел и обсудил это предложение. Специалисты по Восточной Европе Мирбах и Малзан весьма им заинтересовались; положительное заключение было получено от Брокдорфа-Ронзау, который в то время занимал пост советника в германском посольстве в Дании. Гельфанд обсудил этот вопрос в аппарате имперского канцлера и, что более важно, обсудил его также с Эрцбергером и через него вышел на германское Верховное командование. Теперь принятие или непринятие этого плана зависело от того, какое решение примут Гинденбург и Людендорф.

³⁴ Платтен Фридрих (Фриц) (1883–1942) – швейцарский левый социал-демократ, затем коммунист, в апреле 1917 г. был организатором переезда В.И. Ленина из Швейцарии в Россию. 1 января 1918 г. спас В.И. Ленина во время вооруженного покушения на него, когда автомобиль, в котором ехал Владимир Ильич, был обстрелян террористами.

³⁵ Парвус (Гельфанд А.Л.) (1869–1924) – в конце 1890-х – начале 1900-х годов участвовал в социал-демократическом движении России и Германии, примыкал к левому крылу социал-демократической партии Германии. После II съезда РСДРП – меньшевик. Парвус выдвинул «теорию перманентной революции», впоследствии используемую Л. Троцким.

Гельфанд объяснил им, что если они действительно хотят, чтобы Россия вышла из войны, то должны понять, что никто, кроме Ленина, не сможет этого добиться, поскольку это как раз то, к чему он стремится. Вернувшись в Россию, он вышвырнет вон из власти сладкоречивых идеалистов, таких как Керенский и Чхеидзе, и будет готов к заключению немедленного перемирия, а дальше уже только от самой Германии будет зависеть заключение мира с Россией на разумных условиях.

Германское Верховное командование сочло, что в данном случае игра стоит свеч. Оно охотно дало согласие на эту операцию, мало задумываясь о том, что своими собственными руками готовит себе в недалеком будущем «удар ножом в спину». В краткосрочной перспективе такое решение казалось немецкому командованию полезным и разумным. Развал армии противника посредством пропаганды рассматривался как своеобразная форма наступления. Что вызывает удивление, так это искреннее убеждение немецких военных и политических кругов, что немецкая армия и немецкий народ окажутся невосприимчивыми к той инфекции, вирусом которой планировалось поразить армию и народ России. «В то время никто не мог предвидеть губительные последствия для России и всей Европы от появления этих людей в России», – писал генерал Гофман в своих воспоминаниях. Он также говорил: «Мы не знали и не могли предвидеть и предположить, какую угрозу и опасность для человечества пред-

ставляли последствия возвращения большевиков в Россию. В тот момент мы столь же мало уделяли внимания этому вопросу и придавали ему столь же малое значение, как это делают сейчас страны Антанты».

Впоследствии Людендорф предпочел переложить ответственность за этот шаг с себя и Гинденбурга на тогдашнего германского рейхсканцлера Бетман-Гольвега. «Дав возможность Ленину вернуться в Россию, – писал Людендорф в своих мемуарах, – мы взяли на себя большую ответственность. С военной точки зрения это было оправданно, поскольку нужно было попытаться опрокинуть Россию. Но наше правительство должно было позаботиться о том, чтобы мы не опрокинулись вместе с Россией». В статье, написанной для одного из военных журналов, он высказался еще более откровенно: «Принимая решение дать разрешение Ленину ехать в Россию, канцлер обещал нам, что вследствие этого русская революция будет развиваться более стремительно, а вместе с ней и стремление к миру в русской армии и флоте, которое уже проявлялось весьма отчетливо. В Генштабе сочли, что это привело бы к ослаблению армии противника. Никто в Генштабе не знал, кто подтолкнул канцлера к мысли разрешить Ленину проехать в Россию. Да и сам канцлер вряд ли знал имя этого человека; тем не менее развитие событий показало, что, приняв предложение канцлера, мы поступили правильно и обоснованно».

Для тех, кто знаком с внутриполитической обстановкой

в Германии того времени и процессом принятия решений, звучит весьма забавно, что Верховное командование кротко согласилось с предложением канцлера по столь важному вопросу. Гинденбург и Людендорф в высшей степени прездительно и пренебрежительно относились к Бетман-Гольвегу, что было отражением подобного отношения касты прусских военных к гражданским политикам в целом. Всего за несколько недель до этого они вынудили кайзера дать согласие на неограниченное использование в боевых действиях подводных лодок вопреки возражениям федерального канцлера. А спустя три месяца ими же была организована отставка Бетман-Гольвега, на место которого был назначен ставленник военных Михаэлис. Именно в их руках находилась в те дни судьба Германии, и именно они, а не император и не канцлер, несут главную ответственность за принятие этого шага, имевшего, как оказалось, историческое значение.

Итак, жребий был брошен. Германской дипломатической миссии в Берне были даны инструкции положительно ответить на предложение Платтена. В результате 22 марта 1917 г. было заключено уникальное соглашение между империей Гогенцоллернов и редакцией швейцарской революционной газеты. Ленин в предварительной беседе с Платтеном с чрезвычайной тщательностью разработал все детали соглашения. Он потребовал, чтобы вагон, в котором будут ехать политэмигранты, обладал полным статусом экстерриториальности на всем пути следования; всем членам партии давались пол-

ные гарантии освобождения от личного досмотра, а также проверки документов и багажа. Платтен должен будет сопровождать политэмигрантов на всем пути следования, и только он один уполномочен вести переговоры и вступать в контакт с германскими официальными лицами; в дополнение к этому, никто не мог покидать вагон в ходе следования или входить в него без разрешения Платтена (именно благодаря этому пункту соглашения и появилась легенда о «пломбированном вагоне»). Единственное обязательство, которое взяли на себя политэмигранты, заключалось в следующем: по возвращении в Россию они будут призывать к тому, чтобы соответствующему количеству интернированных гражданских лиц из Германии и Австро-Венгрии, равному по численности вернувшимся российским политэмигрантам, было разрешено покинуть Россию³⁶

³⁶ Серьезным неудобством для возвращавшихся в Россию большевиков было запрещение курить в вагонах поезда, которое строго контролировалось германскими проводниками. Политэмигрантам приходилось пользоваться расположенным в конце вагона туалетом, когда желание курить становилось нестерпимым, к неудовольствию других их спутников, которые в это же время хотели воспользоваться туалетом по его прямому назначению. *(Примеч. авт.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.